

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ/SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.164.53>

РОССИЙСКАЯ НАУКА МЕЖДУ ПРЕСТИЖЕМ И КРИЗИСОМ ДОВЕРИЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПАТОЛОГИИ НАУЧНОЙ СРЕДЫ

Научная статья

Ильиных С.А.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-7109-4292;

¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (ili.sa[at]mail.ru)

Аннотация

Социологический анализ отечественной науки показывает двойственность ее положения: высокостатусный институт и патология научной среды. Россия входит в топ-10 по публикациям Scopus, лидирует в физике, астрономии и материаловедении, демонстрируя научные прорывы в 2025 году. Высокий престиж подтверждается опросами: 79,9% молодежи видят в науке будущее страны, 71% оценивают ее состояние положительно (ВЦИОМ). Однако патологии — плагиат, грантовая субъективность, конкуренция — отражают конфликт научного «этоса» Р.Мертона с реальными практиками, «гонкой за индексами». Цель работы — показать и высокий статус российской науки и противоречивые, конфликтные этические аспекты ее деятельности. В статье автор приводит результаты самостоятельного эмпирического исследования. Методология сочетает анкетирование (6543 студента), интервью (10 респондентов) и кабинетный анализ. Заключение подчеркивает необходимость баланса этоса и реформ для устойчивости науки.

Ключевые слова: российская наука, научный ethos, престиж, доверие, патология научной среды.

RUSSIAN SCIENCE BETWEEN PRESTIGE AND A TRUST CRISIS: ACHIEVEMENTS AND PATHOLOGIES OF THE SCIENTIFIC ENVIRONMENT

Research article

Il'ynikh S.A.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-7109-4292;

¹ Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation

* Corresponding author (ili.sa[at]mail.ru)

Abstract

Sociological analysis of Russian science shows the duality of its position: a high-status institution and a pathological scientific environment. Russia is in the top 10 in terms of Scopus publications, leads in physics, astronomy and materials science, and is expected to make scientific breakthroughs in 2025. Its high prestige is confirmed by surveys: 79.9% of young people see science as the future of the country, and 71% assess its state positively (Russia Public Opinion Center). However, pathologies — plagiarism, grant subjectivity, competition — reflect the conflict between R. Merton's scientific "ethos" and real practices, the "race for indices". The aim of the work is to show both the high status of Russian science and the contradictory, conflicting ethical aspects of its activities. In the article, the author presents the results of an independent empirical study. The methodology combines a questionnaire (6,543 students), interviews (10 respondents) and desk review. The conclusion emphasises the need for a balance between ethos and reforms for the sustainability of science.

Keywords: Russian science, scientific ethos, prestige, trust, pathology of the scientific environment.

Введение

Российская наука традиционно занимает высокое символическое и институциональное место в общественном сознании, оставаясь одним из ключевых ресурсов модернизации и технологического развития страны. В советский период ученый рассматривался как носитель особого эпистемического статуса и «передовой отряд» общества, в постсоветской России эта установка во многом сохраняется, хотя и трансформируется под воздействием рыночных, бюрократических и медиальных факторов. Высокий статус науки закрепляется через систему академических званий, грантовую поддержку, участие ученых в экспертных советах и разработке государственной политики, а также через представление науки как общественного блага, обеспечивающего безопасность, здоровье и инновационную экономику.

Одновременно социологические исследования фиксируют противоречивость этого статуса и наличие ярко выраженных «патологий» научной среды. В поздний период 1950-х – ранний 1960-х гг. Р. К. Мертон провел эмпирический анализ фактического поведения ученых, сместив акцент с нормативных требований на реальную практику профессиональной деятельности [11], [12]. В ходе исследования выявлен феномен «патологии» современного общества, проявляющийся в формах конкуренции, подозрительности, зависти и латентного плагиата, что обеспечивает амбивалентность мотивационной структуры – противоречие между внешними импульсами и поведенческими паттернами.

Для концептуализации наблюдения реальности Р. Мертон дополнил классические нормы настоящего этого девяти диадическими парами антагонистических императивов, отражая социологическую амбивалентность как постоянное

напряжение выбора между полярными регуляторами ежедневной профессиональной рутины. Эти пары включают следующие противоречия:

- 1) оперативный обмен мнениями с коллегами при сдерживании публикаций;
- 2) открытость инновационным идеям с иммунизацией от интеллектуальных конъюнктур;
- 3) ориентация на тенденции профессиональным сообществам при игнорировании внешних оценок;
- 4) защита новаторских гипотез без поддержки преждевременных выводов;
- 5) всестороннее освоение релевантной литературы с осознанием торможения эффекта эрудиции на креативность;
- 6) скрупулезность в формулировках без педантичности, подрывающей содержательное содержание;
- 7) технологии универсальности знаний с учетом национальных прерогатив открытости;
- 8) приоритет наставничества над вторичным сопровождением в педагогической деятельности;
- 9) апpropriация опыта ведущих лидеров при сохранении аутентичной идентичности.

Итак, в русле институциональной социологии науки Р. Мертона подчеркивается, что классический научный этос все чаще вступает в конфликт с реальными практиками, основанными на конкуренции за ресурсы, символический капитал, показатели публикационной и грантовой результативности. Исследования конца XX – начала XXI века описывают феномены научной зависти, приоритетных конфликтов, скрытого пластика, коммерциализации экспертного знания и «гонки за индексами», которые Мертон обозначал как «патологии науки» и амбивалентность мотивации ученого. В связи с этим важно рассмотреть как высокую результативность отечественной науки, так и коснуться некоторых негативных кризисных аспектов научной среды.

Методы и принципы исследования

2.1. Теоретический обзор

Научная деятельность достаточно разнообразна. Это и публикационная активность, и патентная деятельность. Причем и тем и другим занимаются как научные работники институциональной сферы, так и преподаватели высших учебных заведений, сочетающие академическую и исследовательскую деятельность. В то время как для научных сотрудников института приоритетной является исследовательская работа, для преподавателей вузов научная деятельность зачастую формализована в рамках трудовых контрактов и может снижаться после получения ученой степени. Однако существует группа учёных-преподавателей, эффективно интегрирующих преподавание и научно-исследовательскую деятельность, демонстрирующую высокую продуктивность в получении грантов, публикационную активность и участие в научных мероприятиях.

Согласно эмпирическим данным анализа публикационной активности, проведенного В. В. Власовой и соавторами, в 2021 году исследователями было опубликовано порядка 122,5 тыс. научные статьи в изданиях, индексируемых в базе Scopus, что соответствует доле в мире по объему публикаций на уровне 3,5% [7, С. 11]. В результате по сравнению с ведущими мировыми лидерами Россия занимает десятое место по уровню публикационной активности, уступая странам, таким как Китай и США: Китай — 848000 (24,3%); США — 644200 (18,4%); Индия — 218000 (6,3%); Великобритания — 209900 (6,0%); Германия — 188400 (5,4%); Италия — 139300 (4,0%); Япония — 135600 (3,9%); Франция — 116900 (3,3%); Канада — 116900 (3,3%).

Несмотря на сравнительно низкий уровень цитируемости российских ученых на международной арене, данный показатель не является научным индикатором их инновационности. Как отмечает ведущий научный исследователь А. Р. Оганов, российские учёные часто остаются малоизвестными из-за особенностей узких специализированных сообществ, а также историко-социальных факторов, таких как недостаточная интеграция, языковой барьер и ограничения академической мобильности [9].

Важным свидетельством высокого уровня российской науки стали значимые научные достижения, зарегистрированные в начале 2025 года, включающие исследования в области астрономии, материаловедения, нанотехнологий, медицинской химии и космических технологий [1].

Региональная структура научной активности отличается выраженной концентрацией в Москве и Санкт-Петербурге: Так, на долю Москвы пришлось 41,6% публикаций страны в научных изданиях, индексируемых в Scopus [7, С. 12]. Интересна статистика публикационной активности в субъектах. Так, лидером по числу публикаций за 2021 год является Москва — 50894, на втором месте — Санкт-Петербург — 17542, на третьем Новосибирск — 7567. Далее число публикаций существенно снижается: Томск — 4575, Екатеринбург — 4411, Казань — 3544, Ростов-на-Дону — 2631, Нижний Новгород — 2390, Иркутск — 2191, Челябинск — 2160. Что касается Сибирского федерального округа, то в научных публикациях в основном участвуют исследователи Новосибирска, Томска, Иркутска, Красноярска. Почти вдвое уменьшается публикационная активность кемеровских, омских ученых.

Одним из существенных аспектов научной практики ученого является патентная активность. В целом стоит отметить снижение уровня патентной активности российских ученых по сравнению с зарубежными исследователями, но вместе с тем наблюдается и позитивный тренд, а именно выход отечественных разработчиков на мировые технологические рынки. Так, с 2010 по 2021 год число патентов, зарегистрированных за рубежом, увеличилось в 1,5 раза [7, С. 13]. Рассматривая вопрос патентной активности, стоит коснуться такого показателя, как коэффициент изобретательской активности, который рассчитывается как число патентных заявок на изобретения в расчете на 1 млн. человек населения. По состоянию на 2021 год к числу ведущих субъектов Российской Федерации по коэффициенту изобретательской активности относятся Москва (408,6), Санкт-Петербург (323,8), Томская область (282,7), Воронежская область (198,5), Московская область (187,9), Республика Татарстан (186,8), Новосибирская область (186,3), Калужская область (162,9), Пермский край (155,3), Костромская область (154,6).

Итак, научная деятельность имеет достаточно формализованные критерии, определяющие ее результативность. Но есть и другие критерии — имиджевые, репутационные, этические.

Имиджевые критерии деятельности ученого определяют восприятие научного сообщества социумом, влияя на престиж профессии и привлечение кадров. Эти критерии затрагивают профессиональную репутацию, коммуникативные навыки, социальную вовлеченность. Профессиональная репутация ученого достаточно сложный феномен. Сюда включается: во-первых, и наличие публикаций в рецензируемых журналах, и цитируемость (h-индекс), и участие в грантовых проектах. Во-вторых, подготовка научных кадров. В-третьих, вклад в междисциплинарные исследования, что формирует образ надежного эксперта. В-четвертых, ученый должен демонстрировать этичность, а именно соответствие нормам plagiat, авторства.

Отметим, что именно репутационно-этический аспект научной деятельности нередко связан с кризисом доверия. Это усиливает разрыв между экспертным и обыденным знанием и создает контекст, в котором ученые вынуждены одновременно бороться за ресурсы внутри системы и за доверие вне ее. В рамках более поздних социологических разработок, опирающихся на наследие Мертона, подчеркивается, что российская наука существует в режиме «двойного кода»: с одной стороны, декларируются нормы классического научного этиоса, с другой — повседневные практики организованы вокруг логики показателей, конкуренции за статус, включенности в сети влияния и бюрократические регламенты. Это порождает устойчивое напряжение между престижем науки как символического ресурса и внутренними дисфункциями — от разрывов поколений и утечки кадров до деформации мотивации и распространения неэтичных практик. О проблемных аспектах российской науки высказывались Н.Н.Зарубина [2], Э.П.Кругликов [4], А.Г.Сергеев [10]. О том, как конструируется научное знание и насколько оно научно анализирует Н.Н.Николина [5], [6]. С.Мукерджи приходит к выводу о том, что мир, который мы знаем, определяется и создается с помощью моделей познания, которые включают манипуляции с природой как в лаборатории, так и за ее пределами [13], что и порождает патологии в науке.

Итак, российская наука — это одновременно высокостатусный институт и поле недоверия, поле конфликтов. Для иллюстрации этого тезиса приведем результаты эмпирических исследований, полевых и кабинетных.

2.2. Методология исследования

В исследовании использовались несколько методов сбора данных: анкетирование, интервью и кабинетное исследование. Анкетный опрос проведен в 2024 году с февраля по май. Всего опрошено 6543 респондента. Тип выборки — целенаправленная (только студенты 1 курсов очной формы обучения). В интервью приняли участие 10 респондентов. Кабинетное исследование основано на изучении проблемно-этических аспектов российского научного сообщества.

Результаты и обсуждение

Как мы рассматривали в теоретической части, российская наука имеет высокий статус в обществе. Для иллюстрации этого тезиса представим результаты исследования молодежи. В целом это исследование было посвящено изучению ценностей. Вместе с тем, был задан вопрос о том, с развитием каких сфер деятельности молодежь связывает успешное будущее России. Согласно результатам, 79,9% опрошенных связывают успешное развитие России с наукой и образованием. 50,5% — с добычей полезных ископаемых. На третьем месте — цифровая экономика (46,5%). Можем предположить, что авангард науки связан с тем, что именно она служит двигателем прогресса, радикально улучшая качество жизни и решая глобальные вызовы. Она повышает продолжительность и здоровье жизни, стимулирует экономику и развивает критическое мышление.

Итак, будущее России связывается с развитием науки. В связи с этим немаловажно, как россияне оценивают нынешнее состояние отечественной науки. Согласно результатам опроса 1600 россиян в возрасте от 18 лет, проведенного ВЦИОМ в феврале 2025 года, наука находится в хорошем (29%) и удовлетворительном состоянии (42%) [8]. Распределение примерно одинаковое для всех поколений.

В интервью опрошенные также высказывались о высоком статусе науки и ученых, но отметили и статусность направления работы: «конечно, быть ученым и заниматься наукой — это и престижно, и статусно, и социально важно» (жен., 59 лет), «да, статусно, если ты работаешь над статусным направлением — физикой, термодинамикой, прикладной математикой, медициной и другое» (муж., 60 лет).

Информанты отметили также уязвимость научной деятельности с точки зрения утраты научной репутации: «наука — это очень серьезно, здесь ты должен настолько аккуратно работать, чтобы и не навредить, и не залить на «чужое» поле, выдавая чужие результаты за свои. Иначе, научная репутация безвозвратно будет утеряна» (жен., 45 лет). «Есть такой показатель в науке — добросовестность. Взять чужой текст и опубликовать под своим именем, защитить не свои результаты, не сослаться, «нарисовать результаты» и это еще не все. Удручают именно эта этическая сторона некоторых ученых» (жен., 59).

Результаты кабинетного исследования показывают, что проблематика этической составляющей научной деятельности в российском научном этиосе имеет место. Так, Н.Н.Зарубина на основе 20 глубинных интервью с учеными, работающими в исследовательских институтах и вузах, представителями социальных и гуманитарных наук из разных регионов России, пришла к выводу о том, что появление фальсификаций, фабрикации результатов, plagiat, погони за формальными показателями и т.д. связано как с установками самих ученых, так и с неэффективными управленческими подходами [3]. Информанты считают, что девиация, отступление от этических норм в научном сообществе неизбежным явлением, но все же имеющим негативную коннотацию. Так, по мнению одного из профессоров вуза, различные формы девиации как явление «не мешают развитию самой науки, хотя это, скорее всего, мешает тому, что называется чистотой научных кадров или чистотой научных знаний» (С.Ю., д.ю.н., проф. вуза) [3, С. 57].

Еще одной из проблемных зон, провоцирующей патологии научной среды, является грантовая деятельность. Информанты автора статьи высказывались о недобросовестной экспертизе научных проектов: «мы трижды подавали заявки на грант РНФ. Темы — самые актуальные. Состав исполнителей — высочайшего уровня. Один эксперт

поддержал и оставил очень положительный отзыв о возможных новых научных результатах. Второй эксперт высоко оценил, но написал, что не поддержит. Без объяснения причин» (жен., 59 лет). «Мы подавали заявку по междисциплинарной тематике на пике научного интереса к ней. Я собрала коллектив докторов наук со всей России. Потенциально результаты должны были дать научный прорыв. Не поддержали» (жен., 51 год).

Информанты Н.Н.Зарубиной высказались еще в более резкой форме: грантовая система финансирования исследований, которая «убивает науку» (А.В., к.и.н., сотрудник НИИ) в том смысле, что приводит к снижению качества вследствие завышенных обязательств по количеству публикаций [3, С. 59]. Вероятно, в данном случае речь о том, что для получения грантовой поддержки сами заявители указывают нерелевантное число публикаций. Иными словами, патологии научной деятельности закладываются уже самим исследователем.

Заключение

Российская наука, как показывают исследования, имеет очень высокий рейтинг среди социальных институтов и предстает в социологическом анализе как парадоксальный феномен: высокостатусный институт с глубокими корнями в общественном сознании, сохраняющий эпистемический авторитет и роль авангарда модернизации, и одновременно поле институциональных патологий, где классический ethos Р. К. Мертона (универсализм, коммунализм, бескорыстие, скептицизм) конфликтует с практиками конкуренции, бюрократизации и этических девиаций.

Эмпирические данные подтверждают высокий престиж: 79,9% молодежи связывают будущее России с наукой, а 71% россиян оценивают ее состояние как хорошее/удовлетворительное (ВЦИОМ, 2025). Публикационная активность (122,5 тыс. статей в Scopus, 3,5% мирового объема) и прорывы 2025 г. (NICA, плазменные двигатели) подкрепляют статус, несмотря на региональные диспропорции (Москва — 41,6%) и низкую цитируемость.

Однако «патологии» — скрытый пластилин, грантовая субъективность, фабрикации — отражают амбивалентность мотивации (9 диад Мертона) и кризис доверия, усугубляемый «гонкой за индексами» и утечкой кадров.

Перспектива развития российской науки — это баланс ethos и реформ: усиление этики, децентрализация, популяризация научных знаний. Сохранение престижа и минимизация патологий обеспечат устойчивость науки как ресурса развития общества.

Итак, социологическая перспектива позволяет рассматривать российскую науку одновременно как высокостатусный институт и как поле конфликтов, амбивалентностей и адаптаций, в котором исход борьбы за сохранение научного ethos и общественного доверия будет во многом определять траекторию ее развития в ближайшие десятилетия.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.164.53.1>

Review

International Research Journal Reviewers Community
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.164.53.1>

Список литературы / References

1. Достижения российских ученых в первой половине 2025 года. — URL: <https://habr.com/ru/companies/sberbank/articles/915548/> (дата обращения: 03.10.2025)
2. Зарубина Н.Н. Доверие к науке в современной России в контекстах множественности форм знания / Н.Н. Зарубина // Социологические исследования. — 2018. — № 5. — С. 110–120.
3. Зарубина Н.Н. Ученые о вызовах этическим основаниям деятельности российского научного сообщества / Н.Н. Зарубина // Социологические исследования. — 2025 — № 2. — С. 52–63.
4. Кругляков Э.П. «Ученые» с большой дороги — 3 / Э.П. Кругляков; Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. — Москва: Наука, 2009.
5. Николина Н.В. Социология науки после Роберта Мертона / Н.В. Николина. — Томск: Издательство Томского государственного университета, 2023. — 164 с.
6. Николина Н.В. «Эпистемическая коррупция» в производстве научных знаний / Н.В. Николина, Н.В. Беляков // После постпозитивизма: сб. науч. ст. / Науч. ред. и сост. И.Т. Касавин, И.Д. Невважай, Л.В. Шиповалова [и др.]. — Москва: Русское общество истории и философии науки, 2022. — С. 653–656.
7. Власова В.В. Российская наука в цифрах: 2023 / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский [и др.]; Высшая школа экономики. — Москва: НИУ ВШЭ, 2023. — 48 с.
8. Российская наука сегодня. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analyticheskii-obzor/rossiiskaja-nauka-segodnya> (дата обращения: 03.10.2025)
9. Россия — одна из ведущих научных стран мира. — URL: <https://regruss.ru/8-fevralya-den-nauki-v-rossii/> (дата обращения: 03.10.2025)
10. Сергеев А.Г. Проблема практической демаркации науки и лженауки на российском научном поле / А.Г. Сергеев // В защиту науки. — 2015. — № 16. — С. 49–68.
11. Merton R.K. The Institutional Imperatives of Science / R.K. Merton. — 1972. — P. 68–72.
12. Merton R.K. The Ambivalence of Scientists / R.K. Merton // Science and Society / Ed. by N. Kaplan. — Chicago: Rand McNally, 1965.

13. Mukerji C. Social Organization of Science / C. Mukerji // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. — 2001. — P. 13687–13691.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Dostizheniya rossiiskikh uchenikh v pervoi polovine 2025 goda [Achievements of Russian Scientists in the First Half of 2025]. — URL: <https://habr.com/ru/companies/sberbank/articles/915548/> (accessed: 03.10.2025) [in Russian]
2. Zarubina N.N. Doverie k nauke v sovremennoi Rossii v kontekstakh mnozhestvennosti form znaniya [Trust in Science in Modern Russia in the Contexts of Multiple Forms of Knowledge] / N.N. Zarubina // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. — 2018. — № 5. — P. 110–120. [in Russian]
3. Zarubina N.N. Uchenie o vizovakh eticheskim osnovaniyam deyatelnosti rossiiskogo nauchnogo soobshchestva [Scientists on the Challenges to the Ethical Foundations of the Russian Scientific Community] / N.N. Zarubina // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. — 2025 — № 2. — P. 52–63. [in Russian]
4. Kruglyakov E.P. «Uchenie» s bolshoi dorogi — 3 [“Scientists” from the Highway — 3] / E.P. Kruglyakov; Commission for Combating Pseudoscience and Falsification of Scientific Research of the Russian Academy of Sciences. — Moscow: Nauka, 2009. [in Russian]
5. Nikolina N.V. Sotsiologiya nauki posle Roberta Mertona [Sociology of Science after Robert Merton] / N.V. Nikolina. — Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2023. — 164 p. [in Russian]
6. Nikolina N.V. «Epistemicheskaya korruptsiya» v proizvodstve nauchnikh znanii [“Epistemic Corruption” in the Production of Scientific Knowledge] / N.V. Nikolina, N.V. Belyakov // Posle postpositivizma: sb. nauch. st. [After Postpositivism: Coll. scientific articles] / Sc. ed. and comp. by I.T. Kasavin, I.D. Nevvazhai, L.V. Shipovalova [et al.]. — Moscow: Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2022. — P. 653–656. [in Russian]
7. Vlasova V.V. Rossiiskaya nauka v tsifrakh: 2023 [Russian Science in Figures: 2023] / V.V. Vlasova, L.M. Gokhberg, K.A. Ditkovskii [et al.]; Higher School of Economics. — Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2023. — 48 p. [in Russian]
8. Rossiiskaya nauka segodnya [Russian Science Today]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-nauka-segodnya> (accessed: 03.10.2025) [in Russian]
9. Rossiya — odna iz vedushchikh nauchnikh stran mira [Russia is one of the leading scientific countries in the world]. — URL: <https://regruss.ru/8-fevralya-den-nauki-v-rossii/> (accessed: 03.10.2025) [in Russian]
10. Sergeev A.G. Problema prakticheskoi demarkatsii nauki i lzhenuki na rossiiskom nauchnom pole [The Problem of Practical Demarcation of Science and Pseudoscience in the Russian Scientific Field] / A.G. Sergeev // V zashchitu nauki [In Defense of Science]. — 2015. — № 16. — P. 49–68. [in Russian]
11. Merton R.K. The Institutional Imperatives of Science / R.K. Merton. — 1972. — P. 68–72.
12. Merton R.K. The Ambivalence of Scientists / R.K. Merton // Science and Society / Ed. by N. Kaplan. — Chicago: Rand McNally, 1965.
13. Mukerji C. Social Organization of Science / C. Mukerji // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. — 2001. — P. 13687–13691.